

как временной ширмой, прикрывающей магическую реальность, пока еще не появилась возможность ввести эту реальность в нашу онтологию на “законных основаниях” или же окончательно дискредитировать ее. Сделать это можно только на основании однозначной редукции.

## Смысл неполноты осознания

В.А. Шапошников

1. Мы говорим о *сознании*, когда не только делаем что-то, но и “видим” себя делающими это; не только говорим что-то, но и слышим себя говорящими это. Причем процедура сознания оказывается многоуровневой:

0. действие;
1. осознание этого действия;
2. осознание осознания этого действия и т.д.

Эта последовательность уровней никогда не присутствует в акте сознания полностью. Отсюда – принципиальная *неполнота* осознания действия, слова, мысли. Это, так сказать, *интенсивная* неполнота осознания. Наряду с нею можно говорить и об *экстенсивной* неполноте осознания. Это та неполнота осознания, которая свойственна монаде Лейбница, являющейся “живым зеркалом универсума”, отражающим его полностью, но лишь малую часть – отчетливо, а остальное – смутно. Причем, как Лейбниц, так и мы, как правило, негласно предполагаем, что осознанность – это “хорошо”, а не осознанность – “плохо”. Чем выше, как экстенсивная, так и интенсивная степень осознанности нами универсума, тем лучше. Но так ли это?

2. Осознавать – означает не только действовать (говорить, мыслить), но и *знать*, что ты действуешь (говоришь, мыслишь). Всякая осознанность предполагает знание. Верно ли и обратное? Можно ли утверждать, что возможно не осознаваемое, бессознательное знание? – Можно, если критерием наличия знания считать успешность некоторого действия. – Нет, если таким критерием считать способность научать. Эта тема восходит к Аристотелю (Met., I, 1), к проводимому им различению знания как *опыта* (εμπειρία) и знания как *искусства* (technē). Будем ли мы считать “опыт без искусства” знанием? С точки зрения Аристотеля это будет, во всяком случае, неполноценное знание, даже более низкое по своей ценности, чем “искусство без опыта”. Пафос утверждения неполноценности знания без

осознания – пафос специфически *философский*. Но так ли очевидна такая оценка?

3. С точки зрения обыденного сознания, притча о сороконожке, которую принудили задуматься о том, как она не запутывается в своих сорока ногах, и, тем самым, лишили способности бежать дальше, имеет очевидную мораль: стремление к слишком большой степени осознанности вредно, оно делает человека неспособным к действию в реальных жизненных ситуациях. Гипертрофия осознанности есть отличительная черта философа, делающая его беспомощным в практическом отношении. Не будет ли обыватель, так решающий этот вопрос, по-своему прав? Также и христианин скажет, что “мудрость мира сего есть безумие пред Богом”, что излишняя осознанность и многоуровневая рефлексия мешает праведному действию, когда “левая рука не ведает, что делает правая”, и что спасает нас деятельная добродетель и вера в Бога, а не отвлеченное знание. Что мы сумеем возразить ему?

4. Более того: даже утонченное духовное творчество, в том числе и философское, требует, чтобы гипертрофия осознанности не помешала нам наивными глазами посмотреть на мир и изречь о нем свое наивное слово. Груз знания (осознания) слишком тяжок для творческого полета. Не верблюд с его поклажей, но ничем не обремененному ребенку дано сотворить миры (Ницше)! Так не сохраняем ли мы способность творить лишь постольку, поскольку наше сознание остается лишь островком в океане бессознательного (Юнг)? Не способно ли творчество жить лишь вблизи его живой влаги, собирая причудливые раковины на его берегу?

5. Согласно Аристотелю, знание и в форме искусства, и в форме опыта, невозможно без *памяти*. Как связаны между собой память и сознание? Память есть определенный способ нашего отношения ко времени. Хотя действие и его осознание не обязательно следуют друг за другом во времени, но и синхроничный процесс сознания фиксируется нами лишь в его временной развертке, а, следовательно, предполагает память (обратное, по видимому, неверно). Как сознание противостоит неосознанности, бессознательности, так память противостоит беспамятству, забвению, а в итоге – смерти. Как памятование, так и сознание выражают нашу тягу к бессмертию. Как память, так и сознание выражают наше стремление остановить бессмысленное утеkanie жизни в ничто, а в итоге знаменуют собой бунт против апофеоза этой бессмысленности – смерти. Следовательно, и философствование, как стремление к высшей осознанности, есть способ борьбы со временем и смертью. Но адекватны ли средства философии в этой борьбе?

УНИВЕРСИТЕТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

# **ЧТО ЗНАЧИТ ЗНАТЬ?**

**(ЗНАНИЕ И СОЗНАНИЕ)**

ТЕЗИСЫ  
НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА

5 - 6 ДЕКАБРЯ 1998 г.

МОСКВА.

Издательство УРАО

1998

**Что значит знать? (знание и сознание): тезисы научного симпозиума (Москва. 5 - 6 декабря 1998 г.)** — М.: Изд-во УРАО, 1998.—28 с.— ISBN 5-7312-0305-9

В этой брошюре содержатся тезисы докладов научного симпозиума «Что значит знать?» (знание и сознание), проводимого общеуниверситетской кафедрой философии Университета Российской Академии Образования и фондом «Центр гуманитарных исследований» (председатель орг.комитета – доцент, к.филос.н. Катречко С.Л.).

Этот симпозиум - третий и заключительный в серии симпозиумов с общей тематикой «Что значит знать?», поэтому поставленные в нем вопросы во многом наследуют и раскрывают круг проблем, затронутых в двух предыдущих. Постоянство основной темы дало возможность авторам переосмыслить и уточнить свои подходы, а также реагировать на статьи, выступления и замечания других участников симпозиума. По материалам трех симпозиумов, при поддержке Института «Открытое общество», предполагается издать сборник статей.

Представленные здесь материалы являются только одной из составных частей более широкого мероприятия - «электронной конференции» (телеконференции) на тему «Что значит знать?», проводимой на www-сервере «Философия в России» (его интернет-адрес: <http://www.philosophy.ru>). Там же можно найти материалы ранее проведенных научных симпозиумов «Что значит знать?» (тезисы выступлений участников и мультимедийные версии их обсуждений). В рамках телеконференции принимаются статьи и критические отзывы по этой тематике (адрес для переписки (e-mail): [katrechko@philosophy.ru](mailto:katrechko@philosophy.ru)).

На сервере можно найти, а также помещать материалы, относящиеся к жизни философского профессионального сообщества России.

**Ответственный редактор - Нуждин Г.А.**

*Научный симпозиум «Что значит знать?» (знание и сознание) поддержан Институтом «Открытое общество» (Представительство в Российской Федерации) - грант № НАН851*

## **Индивидуально - всеобщий характер философского знания** Д.В. Анкин

Всеобщее присутствует как в науках так и в религии. Но как оно конституируется в этих «символических формах»? Оно может конституироваться только как коллективно-всеобщее, которое индивидум не создаёт, но принимает как наличное в традиции данного социального института. Как религиозное мировоззрение не терпит индивидуального произвола, так и научное творчество предполагает включение в символическую вселенную данной науки, в коллективно-всеобщее «специалистов». Коллективное всеобщее охватывает мир не с точки (зрения), а с «платформы», что уменьшает «радиус охвата» - сущее берется всегда лишь в частном своём аспекте (даже в религиозном мировоззрении понятие «мир» всегда ограничивается, подчиняется более высокой категории).

В противоположность науке и религии, искусство не достигает всеобщности, хотя и строит «мир художественного произведения» вокруг индивидуальности (в контексте нашего рассмотрения неважно – автора, или читателя). Можно ли устранить проблему индивидуальности, обратившись к феномену «интертекстуальности»? Например, гениальная строка поэтического произведения может родиться лишь в структуре наличных поэтических произведений, порождая новый взгляд и переживание во вселенной увиденного и пережитого другими. Индивид, находящийся вне данной структуры, не сможет создать поэтический шедевр ни при каких условиях.

Для философии подобное решение явно не подходит, мы не можем рассматривать интертекстуальность философского произведения в качестве достаточного условия формирования всеобщего именно в силу того, что данный феномен присутствует и в литературе, которая может обходиться без всеобщего. Значит, без определения специфики философствующего субъекта философия необъяснима. Сходство философии с искусством видится в построении мира вокруг некоторой индивидуальности, а различие – в наличии (философия) или в отсутствии (искусство) у данной индивидуальности установки на всеобщее признание создаваемого мира в качестве «реального». Попытаемся более конкретно приблизиться к специфике философствующего субъекта.

Что хотел сказать Сократ своим «я знаю, что ничего не знаю»? «Я знаю, что (не) знаю» отличается от «я знаю» тем, что собирает последнее, собирает всё знаемое (или незнаемое). Это специфически философский акт собирания мира из некоторого единого центра, который и есть я сам. Ни одна наука не полагает мир в качестве собственного предмета. Предметом науки может выступать лишь некоторый аспект мира. Но каким образом